

Научная статья

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-40-52

EDN: AJWGWX

**МОДЕРНИЗАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ НАРОДОВ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА:
ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МЕЖДУ ТАМАНЬЮ И АСТРАХАНЬЮ
В КОНЦЕ XVIII ВЕКА**

Тимур Аликович Дзуганов

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик,
Россия, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

Аннотация: Во второй половине XVIII в. внешнеторговые связи населения Центрального и Северо-Западного Кавказа претерпели существенные изменения. Отмеченное явление стало результатом взаимодействия комплекса социально-экономических и геополитических процессов, имевших место в регионе в указанный период. С увеличением оборотов производящего хозяйства горцев, дальнейшее его развитие вступило в противоречие с сохранявшимися традиционными формами и механизмами функционирования Черноморского направления внешней торговли. Коммуникации Черноморского трафика не могли в полной мере удовлетворить растущие потребности населения края. В противоположность ему, астраханское направление внешнеторгового оборота во второй половине XVIII в. находилось на стадии небывалого подъёма, обеспеченного умелым регулированием и грамотной торговой политикой России. Широкое вовлечение населения Центрального и Северо-Западного Кавказа в Астраханскую торговлю объективно было обусловлено не только экономической целесообразностью, но логикой исторических событий.

Ключевые слова: народы Центрального и Северо-Западного Кавказа, внешняя торговля, Россия, Турция, Астраханское направление, Черноморский трафик.

Для цитирования: Дзуганов Т.А. Модернизация внешней торговли народов Северо-Западного и Центрального Кавказа: проблема выбора между Таманью и Астраханью в конце XVIII века // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 40-52. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-40-52. EDN: AJWGWX.

© Дзуганов Т.А., 2025

Original article

**MODERNIZATION OF FOREIGN TRADE OF THE PEOPLES
OF THE NORTH-WESTERN AND CENTRAL CAUCASUS:
THE PROBLEM OF CHOICE BETWEEN TAMAN
AND ASTRAKHAN AT THE END OF THE 18TH CENTURY**

Timur A. Dzughanov

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

Abstract: In the second half of the 18th century, foreign trade relations of the population of the Central and Northwestern Caucasus underwent significant changes. The noted phenomenon was the result of the interaction of a complex of socio-economic and geopolitical processes that took place in the region during this period. With the increase in the turnover of the mountaineers' production economy, its further development came into conflict with the preserved traditional forms and mechanisms of functioning of the Black Sea direction of foreign trade. Communications of the Black Sea traffic could not fully satisfy the growing needs of the region's population. In contrast, the Astrakhan direction of foreign trade turnover in the second half of the 18th century was at a stage of unprecedented growth, ensured by skillful regulation and competent trade policy of Russia. The wide involvement of the population of the Central and North-West Caucasus in the Astrakhan trade was objectively conditioned not only by economic expediency, but also by the logic of historical events.

Keywords: peoples of the Central and North-West Caucasus, foreign trade, Russia, Türkiye, Astrakhan direction, Black Sea traffic.

For citation: Dzughanov T.A. Modernization of foreign trade of the peoples of the North-Western and Central Caucasus: the problem of choice between Taman and Astrakhan at the end of the 18th century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 40-52. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-40-52. EDN: AJWGWX.

© Dzughanov T.A., 2025

Введение

С середины XVIII в. значение внешней торговли в хозяйственно-экономической жизни народов Северо-Западного и Центрального Кавказа заметно усиливается. Усложняются формы торговых отношений, увеличивается число предпринимательских практик, укрепляется связь производящего хозяйства местного крестьянства с крупными торговыми центрами. Применительно к черкесам (адыгам) с начала 60-х гг. XVIII в. источники фиксируют рост товарного производства, зачатки его специализации. Французский торговый консул в Крыму К. Пейсонель сообщал о ежегодном вывозе черкесского сукна и готовых изделий из него, бурок, разных сортов стрел [Пейсонель 1974: 195-197]. Путешественникам и купцам также хорошо были известны конские заводы Абазии, Большой и Малой Кабарды [Бронеvский 1823: 134]. Усиливалась специализация и в пчеловодстве. Документы различают «кабардинский», «абазинский», «черкесский» сорта медов.

Усиление связи между производящим хозяйством Западной Черкесии и внешнеторговой деятельностью подтверждается источниками и не может вызывать сомнений. В архивохранилищах РФ выявлен материал, наглядно иллюстрирующий расширение торговых связей черкесов не только с соседними кавказскими народами, но и с русскими приграничными поселениями [Тхамоков 1961: 99]. Уже к середине XVIII в. документы фиксируют устойчивый рост товарооборота, расширение ассортимента экспортных и импортных товаров.

Помимо обмена своей продукции на необходимые товары, внешнеторговая деятельность в известной мере способствовала поддержанию политических и культурных связей Западной Черкесии с сопредельными странами. Посещение

черкесов с торговыми целям базаров Москвы, Бахчисарая, Стамбула, Исфахана и Каира подтверждается многочисленными источниками эпистолярного жанра. Нередко эти торговые экспедиции решали дипломатические и другие задачи. Вместе с тем, для большинства населения Западной Черкесии к концу XVIII в. конечными пунктами внешнеторгового трафика оставались базары Астрахани и Черноморского побережья. Соответственно, несмотря на все многообразие внешнеэкономических связей черкесов в этот период, охватывавших не только Кавказ, ближайшее и дальнее Зарубежье, основные торговые магистрали ограничивались этими двумя стратегическими направлениями.

Целью исследования является изучение масштабов внешнеторговой деятельности черкесов во второй половине XVIII в., осмысление значения и роли Астраханского и Черноморского направлений внешней торговли Западной Черкесии в социально-экономической жизни народов Центрального и Северо-Западного Кавказа, изучение особенностей и различий их функционирования.

Черноморская торговля

Предки современных черкесов были интегрированы в Черноморскую торговлю еще с древнейших времен, что подтверждается многочисленными известиями античных авторов. Степень ее доступность для традиционного хозяйства черкесов варьировалась в зависимости от геополитических изменений в регионе, но ни разу не прерывалась на длительный срок. Черноморская торговля, исторически, оказала ощутимое влияние на формирование культурного кода черкесов, особенно западных, так как именно Черноморские порты издревле служили важнейшим пунктом обмена товарами, новыми знаниями и технологиями. Подобное положение вещей сохранялась вплоть до начала XIX в., вместе с тем, как это видно из источников, Черноморское направление внешней торговли черкесов уже к середине XVIII в. приходит в упадок и не имеет уже прежнего позитивного влияния на экономику Черкесии, хотя именно в XVIII – первой половине XIX в. внешняя торговля у черкесов достигла значительного развития [Гарданов 1967: 112].

Первостепенное значение именно этого направления, вплоть до начала XVIII в., обуславливалась возможностью масштабного сбыта излишков народного хозяйства, охоты и пчеловодства, изделий местных ремесленников и оружейников через порты Тамани, Темрюка, Атчу и Каплу и других, более мелких стоянок. Черкесские торговые бренды, – черкесские скакуны, оружие и доспехи, одежда и проч., широко известные далеко за пределами Кавказа, попадали на мировые рынки, преимущественно, посредством Черноморского трафика.

Деятельность данного сегмента обще левантийской торговли относительно рано начинает привлекать к себе внимание специалистов и исследователей. Источники, в основном, эпистолярного жанра, содержат ряд интересных, хотя и обрывочных сведений. Системный подход к изучению данного явления актуализировался к середине XVIII в. и впервые оформился в известной работе Пейсонеля [Пейсонель 1974]. Материалы, собранные французским консулом, позволяют более точно оценить масштабы Черноморской торговли черкесов в третьей четверти XVIII столетия, детально реконструировать культуру потребления местного населения и ее особенности. Анализ опубликованных данных даст

возможность эмпирическим путем установить число основных потребителей, например, Таманского импорта, их социальный статус, потребительские предпочтения и изменения в культуре потребления.

Опираясь на собственные длительные наблюдения, а также данные турецких таможенников, Карл Пейсонель систематизировал и представил полученные результаты в виде двух таблиц импортируемых и экспортируемых из Черкесии товаров. Публикация сопровождалась предварительными расчетами рентабельности операций, должными, по мнению автора, заинтересовать французских коммерсантов, и необходимыми пояснениями. Таблица «импорта» включала около 80 видов ежегодно вывозимых товаров, в основном, в ней представлены предметы роскоши, мануфактурные изделия и полуфабрикаты [Пейсонель 1974: 191].

Раздел «экспорта» содержал 25 наименований, это излишки сельскохозяйственного производства черкесов, ремесленные полуфабрикаты, продукты пчеловодства и охоты [Пейсонель 1974: 195].

Детальное изучение материалов, представленных К. Пейсонелем, позволяет сделать заключение о стагнирующем характере Черноморской торговли. Наблюдения, которые французский консул вел в течение нескольких лет, не позволили ему выявить сколь-нибудь масштабных перспектив для приложения усилий французских промышленников и коммерсантов. Черкесский сегмент Черноморской торговли в этот период являл собой глубокую периферию Левантийской, и Оттоманская Порты, которая, по замечанию В. Уляницкого, главным образом, заботилась о своей Левантийской торговле [Уляницкий 1883: 20], не проявляла особого интереса в его развитии. Сказались удаленность Кавказского побережья от промышленных центров, обусловивших низкую рентабельность закупки и перевозки морским транспортом черкесской сельскохозяйственной продукции, а также стремление Порты максимально усложнить допуск представителей европейских держав на Черноморские рынки. Особенно наглядно нежелание терпеть конкурентов проявилось в специальном распоряжении Дивана, предписывающим представителям английских торговых компаний, впервые допущенных к торговле на Черном море в самом конце XVII в., нанимать для фрахта исключительно турецкие торговые корабли. Позже подобной «привилегии» удалось добиться лишь голландским коммерсантам. Таким образом, Османская Турция сознательно препятствовала проникновению, прежде всего, высокотехнологичных товаров ведущих мировых мануфактурных производств в регион, тем самым вынуждая местное население скупать низкокачественную, в сравнении с европейскими аналогами, продукцию своих южных провинций. Такое решение негативно отражалось на степени привлекательности Черноморской торговли для производящего хозяйства Черкесии и резко ограничивало круг потребителей ввозимого импорта.

Застой в торговле наглядно прослеживается в ассортименте и объемах импорта. В документах К. Пейсонеля фигурируют, как указывалось выше, преимущественно, продукции южных провинций Оттоманской империи и Крыма. Это мануфактура, предметы роскоши и полуфабрикаты для их производства [Пейсонель 1974: 191-195]. Сложные, в техническом исполнении изделия металлургической промышленности, станки, инструменты, что примечательно, в перечне

импорта отсутствуют. Устоявшийся ассортимент турецких товаров, по наблюдениям консула, десятилетиями оставался неизменным, по причине чего проникновение к черкесам современной эпохе знаний и технологий, посредством Черноморского траффика постепенно прекращается.

Как следует из наблюдений торгового консула, в Западную Черкесию регулярно импортировалось до 18 видов мануфактурной продукции, причем в весьма скромных объемах. Тюков Брусской материи – до 200 единиц, Магнезийского шелка – 7 тыс. кусков, 500 готовых одеял и 600 штук простыней [Пейсонель 1974: 192]. К товарам высокой ценовой категории можно отнести также ежегодный импорт: от 4 до 5 тыс. пар крымских сапог; 5 тыс. пар обуви турецкого производства; от 2 до 3 тыс. татарских седельных ленчиков; от 2 до; 3 тыс. пар стремян; от 3 до 4 тыс. лошадиных удил. Туда же следует присовокупить импорт ружейных стволов, порох, крымские луки и прочий дорогостоящий товар, который явно был рассчитан на более состоятельных клиентов [Пейсонель 1974: 191-195]. Нет никаких сомнений, что значительная часть поступавшей мануфактуры предназначалась для удовлетворения потребностей в предметах и товарах роскоши местной аристократии. Единственным исключением из общего числа поставляемых мануфактурных товаров, по-видимому, являлись германские косы, «большое количество» которых ввозилось через Тамань [Пейсонель 1974: 184].

Сравнение объемов товаров высокой ценовой категории позволяет установить приблизительное количество потребителей дорогостоящего импорта. Предположительно, их совокупное число не превышало 3–4 тыс. мужчин и столько же женщин. Данное наблюдение позволяет предположить, что значительная часть таманского транзита предназначалась для нужд черкесской аристократии.

К предметам роскоши, ориентированным преимущественно на местную знать, следует отнести регулярно поставляемые на рынки Тамани: сандаловое дерево; ладан; кофе; маслины и проч. К этому же списку можно причислить также крымский сафьян, мыло из Смирны, дорогие сорта бумаги, от 30 до 40 тюков кофе мокко, имбирь, маслины, пряности и проч. [Пейсонель 1974: 191-195], что опять же не оставляет никаких сомнений в чьих интересах формировался ассортимент импортной продукции. Данное обстоятельство, а также почти полное отсутствие в ассортименте импорта предметов и товаров, ориентированных на бюджетные возможности крестьянства Черкесии, свидетельствуют о слабой привлекательности для Османской Порты данного направления торговли. Османы, в силу ряда причин, не смогли, или не пожелали отладить более эффективную систему функционирования рыночной модели Черкесского сегмента Черноморского траффика. Сохранявшиеся без изменений на протяжении столетий коммерческие связи между Турцией и Черноморским Побережьем Черкесии представляли некоторый интерес лишь для узкого круга османских купцов, но для растущего производящего хозяйства черкесов, по вполне понятным причинам, утрачивают свою актуальность. В XVIII – первой половине XIX в., по замечанию В.К. Гарданова [Гарданов 1967: 112], главнейшие отрасли добывающей и обрабатывающей отрасли черкесов – овцеводство, коневодство, пчеловодство, охота, а также ткацкое, войлочное, оружейное, арчащее, шорное и ювелирное производство, тесно связанные с рынком, не будучи востребованы в

необходимой мере турецким торговым капиталом, вынуждены переориентироваться на динамично развивающийся рынок северного соседа.

Вместе с тем, отдельные исследователи, по-видимому, вдохновленные самим фактом аффилированности черкесов в XVIII в. в Левантийскую торговлю, несколько переоценивают ее значение для экономики Северо-Западного и Центрального Кавказа в этот период. Отмеченная тенденция опирается на результаты приблизительного подсчета оборотов Черноморской торговли черкесов, произведенный И. Клингенем в конце XIX в., утверждавшего, что стоимость ежегодно ввозимых товаров в Черкесию достигала 834 630 руб. серебром [Клинген 1897: 62]. В советское время, В.К. Гарданов, хоть и выдвинул тезис о «самодовлеющем характере адыгской экономики», тем не менее, подчеркивал «масштабность» и значимость внешней торговли в их экономической жизни. Опираясь на результаты И. Клингена, опять же эмпирическим путем, В.К. Гарданов определил общий объем внешней торговли Черкесии в направлении Таманского порта во второй половине XVIII в. в 1600 тыс. руб. [Гарданов 1967: 112]. Цифра может показаться внушительной, но не стоит забывать, что в обмен на свою продукцию, черкесы получали лишь ограниченный ассортимент мануфактурных товаров и изделий высокой ценовой стоимости, а получаемая от продажи выручка шла не на нужды развития традиционного хозяйства черкесов, повышение его товарности и эффективности, а на удовлетворение местных элит в предметах роскоши. Объемы импорта, при подсчете которых К. Пейсонель оперировал восточными мерами длины и веса – «ок», «пик», «халеби», [Пейсонель 1974: 181 и далее], при переводе в современную метрическую систему, так же выглядят значительно скромнее. Таможенный контроль со стороны Турции, и ее явное нежелание допускать для коммерческих целей корабли иных держав усугубляли ситуацию.

Вышеизложенные факты подтверждают наше предположение о стагнирующем характере Черноморского направления внешней торговли Западной Черкесии в XVIII в.

В условиях стагнации Черноморского направления, особенно для народов Северо-Западного и Центрального Кавказа, в конце XVIII в., актуализируется проблема поиска новых рынков сбыта своей продукции. С другой стороны, к концу XVIII в., по мере продвижения Российской империи на Кавказ, доминирование Российского торгового капитала в регионе становится все более очевидным. К. Пейсонель отметил, что несмотря на сохранявшуюся административную власть Порты над рынками Тамани, Темрюка, Атчу и Каплу – важнейшими в экономическом отношении для черкесов, процесс их монополизации русскими купцами уже был запущен, и «ясно, что вся торговля Черкесии окажется в конце концов в руках русских...» [Пейсонель 1974: 194].

Таким образом, Черноморский трафик уже к середине XVIII в. утратил значительную часть своей привлекательности для производящего хозяйства черкесов, соответственно, потерял свои позиции и вынудил искать альтернативные пути сбыта своей продукции. Вместе с тем, вплоть до 60-х гг. XIX в. сохранялась другая его важнейшая функция, направленная на поддержание культурных и политических связей черкесов со странами Востока.

Волжско-Каспийская торговля

Во второй половине XVIII в. для большинства населения и Северо-Западного и Центрального Кавказа актуализируется Волжско-Каспийское направление торговли, центром которого являлась Астрахань, на протяжении веков неизменно служившая местом встречи купцов с Запада и Востока. Здесь происходила «знатная торговля», куда, помимо русских, съезжались торговцы из Индии, Хивы, Бухары и Персии [Плещеев 1793: 198].

Торговые обороты астраханских рынков на порядок превосходили показатели базаров Тамани, Акчу и других пунктов кавказского сегмента Черноморской торговли. Из русских таможенных документов видно, что только из Персии в конце XVIII в. на рынки Астрахани ежегодно поступало от 8 до 13 тыс. пудов шелка, в среднем, на 1,4 млн. руб. «Бумаги пряденной» - из Персии, Бухары и Хивы – 7 тыс. пудов, общей стоимостью – до 168000 рублей. В самой Астрахани к этому времени насчитывалось 2146 торговых лавок суммарная стоимость товара которых оценивалась в 1,5 млн. руб. [Равинский 1809: 232-233].

Роль Астрахани как международного торгового центра в течении всего XVIII в. неуклонно повышалась. Явление было обусловлено развитием российско-османских отношений и заключением ряда соглашений, способствовавших развитию торговли в приграничных областях. В частности, Прутский мирный договор от 1711 г. предоставил определенные торговые преференции и право купцам обеих держав свободно посещать сопредельные рынки. Российская торговля через Астрахань и по границе, ранее пришедшая в упадок, восстанавливается, в торговые операции вовлекается все больше число населения приграничных регионов. Не остались в стороне и народы Северо-Западного и Центрального Кавказа.

Начало интеграция черкесов, посредством Астраханской торговли, в общероссийское экономическое пространство отчетливо прослеживается уже с середины XVII в., что подтверждается, например, частым упоминанием «горских черкесов» среди восточных купцов, «прибывающих для торга в порубежные города и Москву» [Семенов 1859: 20]. Активизация торговли черкесов, как в приграничных русских крепостях, так и в крупных торговых центрах страны выявила необходимость юридического оформления их деятельности. В разработанном боярином А.Ф. Ордин-Нащокиным Торговом Уставе 1667 г., черкесские торговцы, наряду с кумыками, бухарцами и «астраханскими жителями», были включены в отдельный список купцов, подлежащих специальным правилам налогообложения [Соловьев 1870: 122]. В дальнейшем выходит дополнительное распоряжение от 23 апреля 1672 г. о регулировании торговли России и «Горских Черкасов и Узденей» царя Алексея Михайловича. Документ регламентировал порядок сбора таможенных пошлин вывозимых ими товаров [Шпилевский 1858: 112]. Проблема налогообложения черкесских купцов, прибывающих для торговли в русские города, оставалась актуальной и в царствование и Петра I. Князю Волконскому, в мае 1697 г. отъезжавшему на Терек царь приказывал соблюдать в делах с черкесами особую деликатность. Демонстрируя всяческое уважение, «ласку и привет и бережение» к черкесским князьям и узденям, тем не менее, строжайше следить за

торговлей и препятствовать контрабанде, которой особенно злоупотребляли «черкесские торговые люди» [Полное собрание 1830: 308].

В начале XVIII столетия, по сведениям российских источников, «прибывавшим на Терек с торговыми целями кумыкам из Кабарды», а также черкесам, купцам из Гиляна, Персии, «Бухарии и, торговым терекам» (терцам) разрешалось вести торг и менять «по прежнему обычаю, взимая с них пошлину по установленным грамотам» [Семенов 1859: 93]. Вместе с тем правительство предприняло ряд ограничительных мер, повлиявших на общую динамику развития торговых отношений. Ограничения касались так называемых «заповедных товаров», которые запрещалось русским купцам продавать «азиатцам» – золото, серебро, пленных, военное снаряжение. Закреплялась единая форма коммерческих сделок в виде бартера. Русским купцам строго наказывалось «никаких товаров у них («азиатцев» – *Т.Д.*) на деньги не покупать», а менять «по-прежнему» [Семенов 1859: 93]. Ограничения коснулись, в том числе, и черкесской торговли лошадьми. В отношении купцов, пожелавших закупать лошадей у черкесов и татар на Терском базаре, вводилась специальная пошлина.

Закрепление менового характера Астраханской торговли, несмотря на то что отпугнуло часть торговцев из сопредельных народов, в целом, пошло на пользу развитию торговых связей России с населением региона. Меновая торговля, как видно из документов, на первых порах стала чрезвычайно удобной и привлекательной формой заключения коммерческих сделок между местным крестьянством, постоянно испытывавшим определенные трудности с наличностью, и приказчиками действовавшим от лица российских мануфактур.

Волжско-Каспийское направление играло важнейшую роль в экономической жизни народов Центрального и Северо-Западного Кавказа, являясь для них связующим звеном, одновременно, с торговыми центрами Востока и России. В связи с этим, нет ничего удивительного, что в самой Астрахани представительство черкесских, в данном случае, кабардинских купцов и ремесленников достоверно прослеживается уже с конца XVII в. В этот период, наряду с «1675 душ купечества российского», в городе на постоянной основе пребывали Персияне, Греки, **Кабардинцы** (выделено мной. – *Т.Д.*), Калмыки и Индийцы, поселившиеся здесь для купечества» [Чулков 1786: 180]. Кабардинские купцы, о которых повествуют документы, являлись связующим звеном Волжско-Каспийского торговли населения Центрального и Северо-Западного Кавказа на протяжении XVII-XVIII вв. Черкесские ремесленники, постоянно проживавшие в Астрахани, в основном, бронники и оружейники, занимались изготовлением булатных сабель и панцирей. Именно этих «черкесов» царь Алексей Михайлович приказал «истребовать к себе в Москву» [Очерк торговли 1862: 166].

На рынках Астрахани устойчивый спрос на кабардинскую экспортную продукцию, по свидетельству источников, сохранялся на протяжении всей первой половины XVIII в. Перечень товаров из Кабарды включал в себя мёд, воск, лисьи и куньи меха, бычьи и выдровые кожи, овчины, шерсть, самшитовый и ореховый лес и разные фрукты» [Плещеев 1793: 179]. Отдельной статьей шли «черкесские тулупы» и другие изделия домашней промышленности.

Важнейшей статьей кабардинского экспорта являлась торговля лошадьми, ценимых за особенную статью, исключительную выносливость и неприхотливость. Большим спросом кабардинская лошадь пользовалась и на российских ярмарках, где приобреталась для нужд армейской кавалерии. Гребенские казаки, в этот период, также «лошадей же по большей части покупают у кабардинцев» — отмечал автор обширного труда по истории хозяйства Астраханской и Кавказской губерний до начала XIX в. И. Равинский [Равинский 1809: 420].

Список черкесских товаров, поступавших на экспорт по Волжско-Каспийскому направлению, несколько отличался «Черноморского» и превосходил его по объемам. Только из Кабарды на рынки Астрахани поступали пушнина, шкуры домашнего скота, а также «воск, мед, свечное сало, жито, черный и белый войлок» [Засс 1805: 17]. По свидетельству Гюльденштедта, на экспорт вывозились шерсть и сукно [Гюльденштедт 1809: 138].

Кабарда на рубеже XVII – первой половины XVIII в. играла важную посредническую роль в расширении торгового обмена между Российской Империей и народами Центрального и Северо-Западного Кавказа. Из Кабарды в Астрахань, Кизляр и Черкасск в «знатном количестве» доставлялись «масло коровье, мед, овчины, в сукнах и бурках тамошнего изделия». Комендант Кизляра в 1764 г., характеризуя торговлю с кабардинцами, отмечал расширение, в том числе, ассортимента привозимой ремесленной продукции. «Весь торг состоит из собственного их рукоделия, яко то бурки, сукны серые, шитые кафтаны, шервары, чулки, шапки, овчинные шубы, мед, воск, арбы и колеса арбные, что все возят в Кизляр и в казачьи городики» [Тхамоков 1961: 99]. На приграничных базарах горцы охотно покупали у приезжающих «из России купцов и армян медную и железную посуду и другие товары первых потребностей, так же пшеницу и разный хлеб от тамошних переселенцев. Продавали же масло, просо, лошадей, рогатый скот и овец» [Тучков 1908: 166].

Кизляр притягивает не только черкесских купцов, но и ремесленников отходников. «При том золотых, серебряных и слесарных рукоделий многие мастера из кавказских черкесов, кумыков и кубешенцев приходят в Кизляр и делают изящным образом разные вещи» [Равинский 1809: 244].

Как уже отмечалось выше, с начала XVIII в., с продвижением России на Кавказе, зависимость местного населения от торговых связей с северным соседом заметно возрастает. Относительно Кабарды, этому способствовала близость русских военных укреплений, одновременно выполнявших функции центров приграничной торговли. Святой Крест на р. Сулак, Кизляр и Моздок, становятся «главными торговыми пунктами между Россией и народами Кавказа» [Тхамоков 1961: 99]. Близость к русским ярмаркам и политика благоприятствования расширению приграничной торговли со стороны российских властей, в целом, оказали благотворное влияние на расширение торговых отношений и способствовали существенному расширению приграничной коммерции.

Заключение

Во второй половине XVIII в. для народов Северо-Западного и Центрального Кавказа основные различия между Черноморским и Волжско-Каспийским

направлениями проявились не только в географии, и специфике функционирования торговых магистралей. Принципиальная разница заключалась целеполагании двух великих держав в отношении торговли с черкесами. В умении ясно осознать значение события, точно определять цели и стратегию своих действий для достижения необходимых результатов, в случае с Россией, и нежелание и неспособность Турции адаптироваться к изменяющимся условиям. Османская Порта, главный бенефициар Левантийской торговли, следовательно, и ее Черноморского сегмента, не проявляла особенного интереса к расширению и модернизации Черкесского торгового трафика. Уже во второй половине XVIII в., как это видно из источников, торговля с Черкесией оставалась актуальной лишь для ограниченного числа представителей османского торгового капитала, подвизавшихся на экспорте местного сырья и полуфабрикатов. Поставляемые на местные рынки товары не могли удовлетворить в полной мере растущий спрос местного населения, в связи с чем, Черноморская торговля поступательно теряла свою привлекательность для него.

Расширению экспорта сельскохозяйственной продукции Северо-Западного и Центрального Кавказа в этом направлении препятствовали удаленность черноморских портов Кавказа от основных магистралей Левантийской торговли, ограниченные возможности турецких каботажников, конкуренция с Крымом.

Официальный Стамбул, считавший черкесские провинции, де-юре, частью своего государства, обладая всеми необходимыми возможностями и ресурсами, тем не менее, на протяжении длительного времени уклонялся от необходимости регулирования и управления торговыми операциями на Черноморском побережье Кавказа, ограничившись сбором пошлин. Данный сегмент Левантийской торговли, ко второй половине XVIII в. превращается в никем не контролируемую «серую зону», где процветают беспошлинная торговля и контрабанда. Ошибочность данной стратегии наглядно проявилась уже в начале 70-х гг. XVIII в. и, в совокупности с рядом объективных факторов, обусловила выдавливание турецкого торгового капитала из региона.

Начиная с 30-х гг. XVIII в. для производящего хозяйства крестьянства Северо-Западного и Центрального Кавказа заметно актуализируется значение Астраханских торговых центров, представлявших большие возможности для реализации собственной продукции и более широкий ассортимент товаров народного потребления, необходимого в повседневной жизни.

Ключевую роль в этом процессе сыграла торговая политика Российского правительства, не только не ограничивавшего участие в операциях иностранных купцов, но и всячески привлекавшая их на рынки Астрахани и приграничных торговых пунктов. Расширение торговых контактов и возможностей, ассортимент предлагаемых товаров, который на порядки превосходил предложения Черноморских базаров, все это, в значительной мере, повышало привлекательность данного направления для населения приграничных территорий, в том числе, и народов Северо-Западного и Центрального Кавказа.

В сравнении с Черноморским, принципиальное отличие Астраханского направления кроется в степени участия государства в управлении экономическими процессами. Русское правительство планомерно развивало Астраханскую

торговлю предпринимало значительные усилия, направленные на расширение торговых связей с соседними народами, усиление позиций русского торгового капитала и набирающей обороты мануфактурной промышленности. В отличие от Турции, Россия оказалась готова к жесткой конкурентной борьбе за рынки сбыта и уже к концу XVIII в. добилась заметных результатов, планомерно вытеснив из региона турецких коммерсантов.

Таким образом, для народов Северо-Западного и Центрального Кавказа расширение торговых связей именно с Россией оказалось predetermined не только известными геополитическими изменениями, но и логикой экономической целесообразности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Броневский 1823 – *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М.: Тип. С. Селивановского, 1823. – 485 с.
- Гарданов 1967 – *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). – М.: Изд. «Наука». 1967. – 329 с.
- Гюльденштедт 1809 – *Гюльденштедт И.А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. – СПб., 1809. – 384 с.
- Засс 1805 – *Засс Ф.Ф.* Описание Кавказа с кратким историческим описанием Грузии. – СПб., 1805. – 72 с.
- Клинген 1897 – *Клинген И.* Основы хозяйства в Сочинском округе. – СПб.: типография С.-Петербургскаго Градоначальства, 1897. – 129 с.
- Очерк торговли 1862 – Очерк торговли Московского государства в XVI-XVII столетиях / сост. Н. Костомаров. – СПб., 1862. – 299 с.
- Пейсонель 1974 – *Пейсонель К.* Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1974. – С. 179-203.
- Плещеев 1793 – *Плещеев С.И.* Обзорение Российской империи в нынешнем её новоустроенном состоянии. – СПб., Изд. Императорская типография, 1793. – 184 с.
- Полное собрание 1830 – Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. – Том 3. – СПб., 1830. – 1408 с.
- Равинский 1809 – *Равинский И.В.* Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний, сочиненное по начертанию Имп. Вольного экономич. общества и оным обществом изданное. – СПб., 1809. – 527 с.
- Семенов 1859 – *Семенов А.* Изучение исторических сведений о России и внешней торговле и промышленности с первой половины XVII-го столетия по 1859. – СПб., 1859. – 295 с.
- Соловьев 1870 – *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. – Т. 13. – М., 1870. – 388 с.
- Тучков 1908 – *Тучков С.А.* Записки Сергея Алексеевича Тучкова. – СПб., 1908. – 287 с.
- Тхамоков 1961 – *Тхамоков Н.Х.* Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII веке. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1961. – 202 с.
- Уляницкий 1883 – *Уляницкий В.* Дарданеллы и Босфор и Черное море в XVIII столетии. – М., 1883. – 721 с.
- Чулков 1786 – *Чулков М.Д.* Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего, и всех преимущественных узаконений по оной Государя Императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей Государыни Императрицы Екатерины Великой. В 6-ти томах. Т-VI, книга – IV. – М., 1786. – 545 с.
- Шпилевский 1858 – *Шпилевский С.М.* О благоустройстве по уложению и современным

ему памятникам // Временник Императорского Московского Общества истории и древностей российских. – Кн. 24. – М., 1858. – С. 1-116.

REFERENCES

BRONEVSKII S.M. *Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze* [The latest geographical and historical news about the Caucasus]. – М., Tip. S. Selivanovskogo, 1823. – 485 p. (In Russ.).

GARDANOV V.K. *Obshchestvennyi stroi adygskikh narodov* [Social system of the Adyghe peoples] (XVIII – pervaya polovina XIX v.). – М.: Izd. «Nauka». 1967. – 329 p. (In Russ.).

GYUL'DENSHTEDT I.A. *Geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Gruzii i Kavkaza* [Geographical and statistical description of Georgia and the Caucasus]. – SPb., 1809. – 384 p. (In Russ.).

ZASS F.F. *Opisanie Kavkaza s kratkim istoricheskim opisaniem Gruzii* [Description of the Caucasus with a brief historical description of Georgia]. – SPb., 1805. – 72 p. (In Russ.).

KLINGEN I. *Osnovy khozyaistva v Sochinskom okruge* [Basics of the economy in the Sochi district]. – Spb.: Tipografiya S.-Peterburgskago Gradonachal'stva, 1897. – 129 p. (In Russ.).

Ocherk trgovli Moskovskogo gosudarstva v XVI–XVII stoletiyakh [Essay on the trade of the Moscow state in the 16th - 17th centuries] / sost. N. Kostomarov. – SPb., 1862. – 299 p. (In Russ.).

PEISONEL' K. *Traktat o trgovle na Chernom more* [Treatise on Trade in the Black Sea]. In: *Adygi, balkartsy i karachayttsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv.* / pod red. V.K. Gardanova. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1974. – P. 179-203. (In Russ.).

PLESHCHEEV S.I. *Obozrenie Rossiiskoi imperii v nyneshnem ee novoustroennom sostoyanii* [A review of the Russian Empire in its current newly established state]. – SPb.: Izd. Imperatorskaya tipografiya, 1793. – 184 p. (In Russ.).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii s 1649.goda [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649.]. – V. 3. – SPb., 1830. – 1408 p. (In Russ.).

RAVINSKII I.V. *Khozyaistvennoe opisanie Astrakhanskoi i Kavkazskoi gubernii, sochinennoe po nachertaniyu Imp. Vol'nogo ekonomich. obshchestva i onym obshchestvom izdannoe* [Economic description of the Astrakhan and Caucasian provinces, composed according to the outline of the Imperial Free Economic Society and published by the said society]. – SPb., 1809. – 527 – p. (In Russ.).

SEMENOV A. *Izuchenie istoricheskikh svedenii o Rossii i vneshnei trgovle i promyshlennosti s pervoi poloviny XVII-go stoletiya po 1859* [A study of historical information about Russia and foreign trade and industry from the first half of the 17th century to 1859]. – SPb. 1859. – 295 p. (In Russ.).

SOLOV'EV S.M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia from ancient times]. – V. 13. – М., 1870. – 388 p. (In Russ.).

TUCHKOV S.A. *Zapiski Sergeya Alekseevicha Tuchkova* [Notes of Sergei Alekseevich Tuchkov]. – SPb., 1908. – 287 p. (In Russ.).

TKHAMOKOV N.KH. *Sotsial'no-ekonomicheskii i politicheskii stroi kabardintsev v XVIII veke* [Socio-economic and political system of Kabardians in the 18th century.]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961. – 202 p. (In Russ.).

ULYANITSKII V. *Dardanelly i Bosfor i Chernoe more v XVIII stoletii* [The Dardanelles and the Bosphorus and the Black Sea in the 18th century]. – М., 1883. – 721 p. (In Russ.).

CHULKOV M.D. *Istoricheskoe opisanie Rossiiskoi kommertsii pri vsekh portakh i granitsakh ot drevnikh vremen do nyne nastoyashchego, i vsekh preimushchestvennykh uzakonenii po onoi Gosudarya Imperatora Petra Velikogo i nyne blagopoluchno tsarstvuyushchei Gosudaryni Imperatritsy Ekateriny Velikoi* [Historical description of Russian commerce at all ports and borders from ancient times to the present, and all the preferential laws on it of the Sovereign Emperor Peter the Great and the now happily reigning Sovereign Empress Catherine the Great]. V–IV. – М., 1786. – 545 p. (In Russ.).

SHPILEVSKII S.M. *O blagoustroistve po ulozheniyu i sovremennym emu pamyatnikam. / Vremennik Imperatorskogo Moskovskogo Obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh* [On the

improvement of the city according to the code and contemporary monuments]. – V. 24. – M., 1858. – P. 1-116. (In Russ.).

Информация об авторе

Т.А. Дзуганов – кандидат исторических наук.

Information about the author

T.A. Dzuganov – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 27.06.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 27.06.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.